

18+

Николай Бредихин

Гетера

Любовный роман

Николай Бредихин

Гетера. Любовный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69270712

ISBN 9785006006591

Аннотация

Роман «ГЕТЕРА» – второй из серии книг российского писателя Николая Бредихина о «Русской Анжелике», Анне Леднёвой. Психиатрическая больница, тур по Европе в качестве модели, застенки русской мафии, работа на безжалостную и коварную хищницу Сафиру в секс-лоукосте, долгожданная, невероятная любовь, свадьба. Приключения героини не просто продолжаются, они становятся поистине головокружительными.

Содержание

Продолжение романа «Распятая»	5
Часть первая. «Русская Анжелика»	7
I – Две очень глупые негритянки	7
Глава 1	7
Глава 2	21
II – Поцелуйчик	34
Глава 1	34
Глава 2	39
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Гетера Любовный роман

Николай Бредихин

Оформление обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2023

ISBN 978-5-0060-0659-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Продолжение романа «Распятая»

* * *

Пусть не смолкают ни сладостный стон, ни ласкающий ропот:

Нежным и грубым словам – равное место в любви.
Даже если тебе в сладострастном отказано чувстве —
Стоном своим обмани, мнимую вырази сласть.

* * *

Не отвечайте же «нет» жадным желаньям мужским!
Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется с вами:
Не убывает оно, сколько его не бери.
Сточится сталь сошника, обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно – то, чем дается любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмёт под замок воду в пучине морей?

* * *

Боги над теми блюдут, кто добронравно живет.
Долг не жалеите платить, договор страшитесь нарушить,
Душу храните от лжи и от убийства ладонь, —
Лишь за одно наказания нет: обманывать женщин.
Здесь и только здесь верность стыдней, чем обман.
Из «Науки любви» Публия Овидия Назона

(перевод М. Л. Гаспарова)

Часть первая. «Русская Анжелика»

I – Две очень глупые негритянки

Глава 1

Кто-то тронул меня за плечо. Я приоткрыла глаза и увидела склонившуюся надо мной Иннусю. Трудно передать ужас, который был написан на её лице. Я кое-как поднялась, села на кровати, нашарила на полу тапочки.

– Полный Бухенвальд, – ошарашенно покачала головой моя ненаглядная подруга.

Господи, ну что за язык!

Из-за тумана в голове я даже не успела вовремя сделать ей предупреждающий жест рукой. Всё, на что хватило моей сообразительности, – инстинктивно вытянуть вперёд правую ногу.

Так и есть, «шестёрка» попала в капкан: устремившись на Инну с растопыренными ладонями, готовая рвать, метать, кусаться, пинаться, царапаться, да вообще что угодно, Катка Голос потеряла равновесие и, пролетев по полу пару метров юзом, влетела головой как раз в угол кровати, стоявшей рядом с моей.

Обладательница её, в далёком советском прошлом заслуженная учительница СССР Ада Львовна Костенкова, восприняла это как безусловный акт агрессии и тут же принялась бить Катюку ногами.

Её примеру чисто машинально, без всякой злобы, просто за компанию последовали соседки.

– Бухенвальд! Я покажу ей Бухенвальд. Припёрлась тут боярыня Морозова! Её, а не меня надо бить, шизы проклятые!

(Мат опускаю).

– Уходим! – тихо шепнула я, но шёпот Инна не восприняла – она могла так ещё полчаса просидеть с разинутым ртом, потрясённая увиденным. Только когда я схватила её за руку и из последних сил потащила за собой, она наконец очнулась, может даже где-то на уровне инстинкта самосохранения.

– Деньги есть? – спросила я загадочную свою подруженьку, разглядев на горизонте мчавшихся к нашей палате на крики и вой медсестру и двух дюжих санитаров.

– Сколько? – спросила Инна, осознав, что дело принимает серьёзный оборот.

– Три сотни, – покачала я головой, – дешевле в этот раз не отделаемся.

Нас без слов пропустили, деньги выхватили буквально на лету. Я вздохнула с облегчением, но расслабляться было рано.

– Давай на улицу, здесь слишком опасно, – скомандовала я.

– Что это было? – спросила Инна, ещё толком не придя в себя.

– Наши обычные психиатрические будни, – пожалала я плечами. – Катька (ну та, которая тебе из «фейса» «kozyю морду» хотела сделать) на почве раннего алкоголизма постоянно слышит «голоса», поэтому со своей агрессивностью не вылезает из «вязок» и надзорной палаты. Зато в периоды прозрений всему медперсоналу готова не то что пятки – задницу лизать, даже сортир бесплатно отдраивает (не языком, конечно).

– А та женщина, которая прямо на полу нужду справляла, а потом мазала своим дерьмом себя по лицу? Ей тоже команды «сверху» кто-то спускает?

– Нет, эти совсем «овоци», в основном старческое слабоумие: маразматика, ничего вообще не соображают. У нас в палате трое таких. Кстати, готовь ещё сотню, – ответила я, увидев, как очередная «добровольная помощница» по прозвищу Марина ДНК, зажав в руках для видимости какое-то подобие «контрольного журнала посещений», подозрительно косится в нашу сторону.

Так и есть! Уже через минуту последовал короткий диалог:

– Это кто?

– Сестра.

– Не похожа. Обычно к вам другая девушка приходит.

– Та младшая, я старшая. Давайте знакомиться, меня Инной зовут.

Сотня помогла, с соответствующей пометкой в «психкондуите».

– А что, просто знакомым посещения запрещены? – поинтересовалась Иннуля.

– По определенным дням – родственникам в любое время. Вообще-то ты могла бы и пораньше прийти.

Инна обрадовалась, что сознание моё более или менее прояснилось и со мной можно нормально разговаривать.

– Пораньше? Пораньше нельзя было. Могла на след навести.

– Ну а сейчас что изменилось?

– Сейчас Комягин знает, где ты, так что можно наконец и пообщаться. Что случилось, согласишься мне объяснить?

Объяснить? Сложновато будет. Если только Катюку с её «голосами» попросить. Первое время я вообще ничего не помнила и не сознавала, скандалила с медсёстрами, врачами, санитарями, рвалась на волю, но меня быстро утихомирили. Так что в итоге мне ничего не оставалось, как только забраться в себя поглубже и потихоньку начать восстанавливать в памяти, что же всё-таки со мной произошло. Постепенно паззлик сложился.

– Как я выгляжу? – задала я Иннусе неожиданный,

но очень интересовавший меня вопрос.

– Полный дурдом, – покачала головой Инна. – Скажи, а маскироваться – ненакрашенной, непричёсанной ходить – здесь обязательно? Ты ведь и так от прочих «фруктов» и «овощей», которые рядом с тобой обретаются, ничем не отличаешься.

– Здесь всё под запретом: расчёски, зеркала, – без особого энтузиазма (такую элементарщину и не знать!) пояснила я. – Можно только туалетную бумагу, щётку зубную, пасту держать. Да и то воруют. Днём в карманах халата носим, ночью под подушкой прячем. Клептоманов вокруг пруд пруди. А «овощи» тут не все, просто медперсонала не хватает, вот и колют всех без разбора, так, на всякий случай. Но они всё равно периодически взбрыкивают. Лечить здесь тоже лечат, конечно, но исключительно за деньги, богатеньких. У них своё отделение, условия царские. Есть и буйные, там вообще полный отстой. Я маскируюсь, стараюсь не выделяться, хотя давно уже пришла в себя. Если бы ещё не эти их таблетки, уколы поганые. Что, не могли вовремя меня перепрятать?

– Перепрячем, если понадобится. Надо попробовать договориться сначала, иначе придётся прятаться нам самим. Егорка твой совсем озверел. Слушай, а тут ведь, наверное, и убийц, насильников полно? Как тебе среди них, не боязно?

– Нет, те в основном в Сычовке обретаются. Вот там я и в самом деле не хотела бы оказаться. Совсем отморозенный контингент.

Иннуля не унималась со своими вопросами. Не понимала, что тут не экскурсия и не музей. Психи – они психи и есть: совершенно непредсказуемы, ожидать от них можно что угодно, причём в любой момент.

– Скажи, это правда, что ты хотела Кавалериста «пришить»?

– Правда, – устало подтвердила «моя мутность». – Да я его всё равно «замочу». Просто другого выхода нет. Как насчёт того, чтобы пистолет мне достать?

– Посмотрим... – уклончиво ответила Инна. – Сначала всё-таки попробуем то, о чём я говорила. Но с тобой трудно общаться: ты в разговоре скачешь, как заяц, с одного на другое...

Я замолчала. Мысли мои и в самом деле разбегались в разные стороны, не удержать.

– Не-а, зайцев тут нет – тараканы. Хочешь анекдот? Сидят два психа, один другому жалуется: «Не знаю что делать, тараканы в башке совсем замучили. Бегают, прыгают, бормочут что-то, ругаются между собой». – «А ты попробуй мелки специальные: говорят, помогают». Встречаются снова. «Ну, как башка? Помогло?» – «Да, тихо. Рисуют».

Инна постучала себя костяшками пальцев по лбу.

– Смешно, – кивнула она. – Вот только я не поняла: причём тут тараканы?

С большим трудом мне всё-таки удалось вновь сосредоточиться.

– Тараканы? Да тут у всех они. А ещё клопы, вши... У меня, кстати, тоже, успела набраться.

Я хихикнула, когда Иннуля инстинктивно отсела подальше в сторону:

– Ну и шутки у тебя!

– Да какие уж шутки! Чем богата... Как было дело? Ну, помнишь, ты мне про оброк и барщину совет дала? Я предложила твой вариант Кавалеристу, он согласился. А на самом деле стал эксплуатировать меня вдвойне: что называется, и в хвост и в гриву... Небо мне и так с овчинку казалось, а тут жизнь стала совсем невыносимой. Что ещё оставалось делать? Как-то ночью я выбрала момент, стащила у Комягина его незарегистрированный «Вальтер PPS» и хотела было уже отправить Егорушку нашего к праотцам, но чуть промедлила. Реакция у борова этого будь здоров, интуиция сработала моментально: выбил «игрушку» у меня из рук, заковал в наручники, вызвал своих громил по смартфону. Дальше не помню, бил он меня очень сильно, даже душил, голосовые связки до сих пор не могу восстановить, а очухалась я уже в сей обители.

– Понятно, – подвела итог Иннуся, обрадованная, что «тараканы» действительно «затихли». – Всё-таки ты в рубашке родилась, не иначе. Тебя вообще-то хотели в лесу закопать, но Фомич расторопней оказался: не только у Егоркиных шестёрок тебя отбил, но и предварительно снял на видео, как Комягин тебя ногами месил. Сохранился даже эпизод, когда

ты лежишь связанная без сознания, а «ребятки» могилу тебе рядом роют. Так что мы ещё поборемся: все травмы, которые ты получила, зафиксированы официально: и на фото, и на бумаге, да и ещё кое-какой материал имеется. Дорогой ценой, правда, достался, но зато не с пустыми руками я сегодня с этим нелюдем разговаривать буду.

Я покачала головой.

– Не поможет. Я уже всё решила. Достань «машинку», очень прошу. Любую. «Макарова», «ГТ», «Беретту», только не «Вальтер»: с ним не сложилось. И не спорь: я вас подвела, я и вытащу. Не зря же я через здешний ад прошла. Всё на психиатричку спишут, если факты, которые ты привела, подтвердить документально. Где Олег, кстати?

– Где, где... На работе. Так что ни на ребят его, ни на него самого сегодня не рассчитывай: мы одни-одинёшеньки, по уговору никого из посторонних во время нашей дурдом-конференции быть не должно.

Я закрыла глаза. Происходило что-то странное. Какая дурдом- конференция? Может, тараканы мелкими своими уже наигрались? Или они у них попросту закончились?

Инна не знала, что и делать: она уже поняла, что меня снова переклинило, но решила не отступать от намеченного плана, твердила своё:

– Слушай меня, подруга. Слушай внимательно. Ни одна деталька не должна встать у нас наперекосяк. Сейчас придет урод этот, собственной персоной. Я у вас на втором эта-

же один экзотический уголок присмотрела: с ума сойти, даже пальма в кадке стоит. Там и поговорим. Кстати, пора. Ты как, нормально передвигаться можешь?

– Вполне. Вот только не самая удачная это идея – с переговорами. Лучше было бы меня перепрягать, раз уж пистолет не можешь достать.

– Перепрячем. Зубы вставим, ногти сами отрастут. Сопротивлялась ты, по всему видно, как дикая кошка. Но работать дальше сможешь, лицо не пострадало: шрамов нет, а синяки, царапины быстро заживут.

Я встала, однако голова у меня моментально закружилась, в глазах потемнело и я вынуждена была сесть обратно на траву. Ясно было: в таком состоянии вести какие-либо серьёзные переговоры я при всём желании не смогу.

– Ничего не получится, – пробормотала я в полном отчаянии. – Я с утра «галку» схватила, нейрорептик такой – галоперидол называется. По первое число всадили, так что крыша отъезжает периодически. Прости, я совсем не в форме.

Инна задумалась на какое-то время, потерев пальцами краешек папки с документами, зажатой под мышкой, примерно как у Марины ДНК, затем придвинулась ко мне поближе.

– Хорошо, я всё поняла. Будешь сидеть чуть в отдалении и изображать из себя что-нибудь растительное: тыковку, луковку – сама решай. В нашу сторону не смотри, в разговор не вникай, делай вид, что совсем в прострации, я тебе потом

всё подробно расскажу.

На том и порешили.

Нам повезло. В общих чертах получилось всё так, как мы и задумывали. С той лишь разницей, что, как я ни пыталась изображать из себя тыковку-луковку, многое в моё сознание всё-таки проникало.

Бугай, который стоял у двери, никого из пациентов и персонала к нам близко не подпускал. Комягин долго тупо рассматривал пачку фотографий, результаты экспертизы и в особенности несколько листочков из огромной папки, которую Иннуса держала в руках. Как я поняла, в папке этой на три четверти были просто чистые листы, но как можно быть уверенным в таком деле?

Дальше начался торг. Сумма отступных вслух не оговаривалась, писалась на каком-то клочке бумаги. Торг шёл жёсткий, затем Кавалерист сообразил, что и здесь вполне могут продолжаться видеосъемки, да и потом, при передаче денег, его могут сцапать, и выдвинул другое условие – замена. Для меня тут особой разницы не было, деньги всё равно повисали на мне, хотя Генералу платить или Иннусе – нюансы всё-таки были весьма существенные.

Комягин долго не соглашался на предложенные кандидатуры из Иннусиной картотеки, и я уже подумала, что тут не более чем отговорка, но, как ни странно, в итоге какая-то девчонка ему всё-таки приглянулась. Жаль, если Оксана: но-

ров свой обязательно покажет, если мы вообще с ней столкуемся.

Всё. Кавалерист сделал жест, означавший: «Пока!», с тем и удалился, не забыв язвительно бросить в мой адрес: – Всех благ, Анюсик. Ты даже не представляешь себе, как мне жаль, что течение жизненное нас разъединило. Ладно, счастливого тебе плавания, семь футов под килем!

«И тебе не хворать, козлиная вонючая!» – мысленно попрощалась я с ним.

К счастью, Иннуся не стала долго испытывать моё терпение, сразу приступила к делу. Я пыталась сэкономить ей время, как могла.

– Ну что, так и не удалось Егорку напугать?

– Ты оказалась права, – неохотно согласилась Иннуля, – вынуждена взять свои слова обратно. Я сказала в прошлый раз, что таких негодяев ещё не встречала, но он не негодяй – он монстр. Был только один момент, когда я его всё-таки зацепила: когда назвала три клички – Мистер, Короткий и Люпен. Не удержался, вздрогнул. Дальше я попыталась перевести всё на деньги. Он сначала долго торговался, затем вдруг вообще отказался от отступных. А может, с самого начала только делал вид, издевался над нами?

Я благоразумно промолчала, не уточняя, о каких суммах шла речь.

– Что дальше? Замена?

– Да, но это, собственно, те же деньги, ты ведь понимаешь, никто из моих девчонок не согласится ни с ним, ни с кем бы то ни было за здорово живёшь дело иметь.

– Ну и на ком остановились в итоге? Кто оказался «счастливой избранницей»? Оксана? – всё-таки не выдержала, прервала её я.

Иннуся молча придвинула поближе ко мне «бук» – портфолио. У него не было ничего общего с моими, но цепляло буквально с первого взгляда. Я просмотрела его от корки до корки, забыв обо всём на свете. Хотя на что, собственно, там было смотреть? Джинсики, футболочки, халатики, домашние шлёпанцы. Простые, чуть ли не ситцевые платяца. Волосы, заплетённые в косички, иногда с чёлочками... Да много чего. Практически одни тестовые фото, но...

– Марк делал? – спросила я, не сомневаясь в ответе.

– Он, кто же ещё? – благодушно усмехнулась Иннуся.

Да-да, никаких прозвищ, просто имя наверху – «Инна».

– Ты дура? – наконец дала я выход своему раздражению. – Себя вместо меня предложила? И что конкретно мы выиграли?

– Во-первых, сроки. Контракт на год. У тебя он был практически бессрочный. Во-вторых, я не работаю на Егора, а только его одного лично обслуживаю...

– Да он обманет тебя, – не выдержала, не дослушала я подругу. – Не помнишь, как со мной было?

Инна сделала вид, что пропустила мои слова мимо ушей,

как лепет новорождённой «тетёшки-лелёшки», затем достала из сумочки то, что я называла «машинкой». Не «Вальтер», не «Беретту», а маленький дамский браунинг. Достаточный, впрочем, чтобы пробить дырку в любой, пусть даже самой прямой и титулованной, башке.

– Это на третье. Вроде как компот.

Я в полном отчаянии покачала головой.

– Господи, Иннуля, я же тебя так просила! А ты эту чёртову игрушку в сумочке прятала. Ты что, мазохистка?

– Ну, мазохистки из браунингов «тыкву» своим любовничкам не дырявят. Да и садистка из меня никакая, не собираюсь я подобные вещи смаковать. Рука не дрогнет, будь уверена, даже в памяти ничего не останется. И момент выберу, чтобы самой чистенькой остаться. Сразу, как только мы договорились, начала эту мыслишку в голове катать. Есть ещё четвертое и пятое, тебе интересно?

– Ещё бы! – понимая, что протестовать бесполезно, вопрос решённый, попыталась немного встряхнуться я.

– Не тебе объяснять: мало радости перейти из одних рук в другие, ты же не будешь потом, как царица, целыми днями взаперти в тереме сидеть? Поэтому я выторговала тебе ещё и крышу, тоже сроком на год. Кто бы ни привязался, одного имени будет достаточно, чтобы от тебя, как от чумы, шарахались.

– Да, сравненьице! – пробормотала я. – Неужели я в самом деле так фиговенько сейчас выгляжу?

– Нет, ты выглядишь вот так. – Инне определённо надоели мои стенания, и она протянула мне ещё один «бук». – Сюрприз года, альбом номер четыре, заключительный, это уже на пятое от всё того же легендарного Марка Геннадьевича Минкина.

«Афродита, рождающаяся из пены» – мой любимый снимок. Я даже глаза зажмурила. Затем убрала альбом под халат. Нет, только не сейчас. Когда останусь с собой наедине. И уж тогда не упущу и малейшей чёрточки.

– Как впечатление? – усмехнулась Иннуся. – Вижу, рада. А ведь признайся, что мне позавидовала! Заметила я, как у тебя глазки блестели. Ну что, может, поменяемся? Не хочешь? Тогда последняя новость.

– Шестая? – уточнила я удивлённо.

– Да, шестая. И самая важная. Я показала твой альбом одному известному модельеру, он пришёл в полный восторг. Сказал, что это как раз то, чего ему так не хватало для его новой коллекции. Греция! Хоть и печально прославившаяся на фоне всемирного экономического кризиса, но сейчас вполне в цвет идёт. Как насчёт того, чтобы прокатиться га-лопом по Европам, лапушка?

– Фантастика, конечно. Но какая из меня модель?

– Обыкновенная, – подбодрила меня Иннуся. – Как говорят в таких случаях, не боги горшки обжигают. Ну а теперь собирайся, пора до дому. Как ты считаешь, недели хватит, чтобы тебя в более или менее сносное состояние привести?

Глава 2

Мы оба молчали, поглядывая друг на друга с неприязнью. Да, конечно, Арнольд Бекешин – имя известное в мире высокой моды, но сам человек, который сидел сейчас напротив меня, ничего особенного из себя не представлял. Было в нём что-то не просто женское, а даже бабское.

Знаменитый кутюрье между тем в который раз перелистывал мою «Афродиту», судорожно пытаясь отыскать в ней хоть какую-нибудь зацепку, но ничего там, как видно, не находилось. Слишком велик был контраст между фотографиями и оригиналом. Наконец он поднялся, вышел и вскоре вернулся с платьем на плечиках.

– Переоденься. – «Железный Арни» указал на ширму. Я молча повиновалась.

Ещё один взгляд, куда более придирчивый, когда я из-за ширмы вышла.

– Пройдись пару шагов туда-сюда, ну как по подиуму.

Естественно, смотрелась я, в его представлении, в своём «променаде» как корова под седлом.

– Да, Марк, умеешь ты друзьям плюху преподнести. – Мировое «светило» покачал головой и похлопал ладонью по альбому. – Могу представить себе, в какую сумму тебе это встало, детка. У тебя самой, кстати, нет впечатления, что ты зря потратила свои деньги?

После «лечения» в психиатричке нервы мои были как канаты и уж кому-кому, а такому сморчку при всём желании невозможно было меня смутить.

– Нет, «это», как вы изволили выразиться, предназначалось совсем для другого дела.

– Ну и как, там-то хоть оно работает? – поинтересовался «сморчок», не удержавшись от брезгливой гримаски.

– На самом высоком уровне, не сомневайтесь, – всё так же дерзко ответила я. – Собственно, не моя идея была прийти к вам, сама-то я плевать хотела на весь ваш драный модельный бизнес.

– Понятно, – проявил неожиданную проницательность «железный Арни», точнее его мини-копия, – тебе просто нужно куда-то на время исчезнуть. Сама-то вряд ли догадались бы, однако подруга твоя определённо неглупа.

Крыть мне было нечем, амбициозность мою как ветром сдуло. Однако хоть я и находилась в аховом положении, ни малейшего желания валяться в ногах у какого-то женоподобного дебила я не испытывала. Просто сразу потеряла к нашему разговору интерес.

Однако, как ни покажется странным, Бекешин моментально уловил неожиданную перемену в моём настроении и тут же перестроился, перейдя с фривольного тона на деловой.

– Ладно, если говорить конкретно, то расклад предполагается следующий: мы с тобой вдвоём, как только уладим

все формальности, летим в Афины на разведку. Потихоньку, без лишней спешки там осмотримся. Если обстановка окажется благоприятной, я тут же выпишу из Москвы всю свою банду. Организуем пару-тройку показов, несколько фотосессий и вот только тогда отправимся в тур по Европе. Надеюсь, затея всё-таки выгорит.

– В чём мои функции? – наострила я ушки. Какие-то сессии, туры меня совершенно не интересовали. – Хотелось бы знать конкретнее.

– Прежде всего эскорт. Манеры у тебя есть, язык подвешен дай бог каждому. Английский знаешь?

– Слабенько.

– Придётся подучить. На большие деньги не рассчитывай и, поскольку мы едем вдвоём, будешь заниматься самыми разными вопросами. Только когда подтянется основной состав, тогда и перейдёшь в модели. Если хватит ума не рваться в лидеры и держаться в середнячках, всё у тебя получится. Конечно, если тебя предварительно немного поднатаскать. Вопросы имеются?

– Да. Вдвоём тяжело будет управиться. У меня есть подруга, как насчёт того, чтобы её с собой прихватить?

Бекешин насторожился.

– Она что-нибудь умеет или тоже из ваших?

Я кивнула.

– Такая же корова, как и я.

Мой расчёт оказался верным: одновременный бесплат-

ный секс с двумя молоденькими девчонками способен скрасить любую поездку. А уж если они профессионалки, чёрт с ней, с работой: иногда нужно и отдохнуть. Теперь оставалось лишь одно: уговорить Оксану. Не понятно только – зачем она мне понадобилась?

Разумеется, столь каверзный вопрос нельзя было решить без Иннуса. Если честно, в этот раз мне было боязно с ней встречаться. Дружба дружбой, но такая жертва. Я ничуть не обиделась бы на неё, если бы она вдруг сказала, что передумала и Комягин оказался ей не по зубам.

– Как ты? – спросила я, хотя могла бы и не спрашивать.

– Нормально, – сухо ответила моя «добрая самаритянка».

– Я не произвела особого впечатления на Бекешина. Ты же знала, что я засыплюсь, зачем посылала? Нет уверенности в слове, данном Егором, – хочешь услать меня подальше, с глаз долой? Так и скажи. Никак в толк не возьму, какой смысл мне вообще сейчас уезжать? Деньги надо ковать, раз уж я вновь в строй вернулась, а тут сфера, в которой я ни уха ни рыла не смыслю. Ты пойми, при моём возрасте, внешних данных и отсутствии божьего дара карьеру в таком серьёзном бизнесе не начинают. К ней надо с детского сада готовиться.

Инна задумчиво покрутилась в кресле, затем вздохнула.

– Собственно, я хотела как лучше. Но если ты так решительно настроена против, можешь и отказаться. Замена те-

бе в два счёта найдётся, ты свои способности и возможности правильно оценила. Вот только я посоветовала бы тебе предварительно хорошенько всё взвесить, не рубить с плеча. Комягина тебе больше бояться нечего, он тебя и пальцем не тронет. Я с ним «уси-пуси» разводить не собираюсь: шаг влево, шаг вправо – дырка в башке. Забыла наш разговор? Однако хочу напомнить: за крышу, которую я тебе у него выторговала, придётся постоянно делать отстёжки. А как ты хотела, партизанить по-прежнему? Что ж, рискни. Может, предупредят для начала, а могут и без лишних разговоров серной кислотой в лицо плеснуть. Не ты первая, не ты последняя. Я же не могу тебя от всех московских отморожков сразу защитить. Ещё тебе нужен статус, один только Фонд Магдалины тебя не спасёт. Все понимают, что это только прикрытие. Одного взгляда на тебя более чем достаточно, чтобы догадаться, сколько ты зарабатываешь. Никого ведь не интересует, что ты в долгах как в шелках, кому охота вникать в такие подробности? Модель – другое дело, особенно если найти хорошего покровителя, пусть даже фиктивного. К ним подобных вопросов обычно не возникает.

– Ладно, – вздохнула я, – будем считать, что ты меня убедила. Вот только одна я этого старого кобеля не потяну, тем более бесплатно.

Иннуля рассмеялась.

– Ну, во-первых, какой же он старый? А во-вторых, он что, должен за какие-то совершенно ничтожные услуги тебе ещё

и деньги платить? Да, ты правильно определила: он не просто кобель – жеребец даже, не знаю уж, откуда в таком возрасте силы берутся, но для серьёзного дела можно и потерпеть.

– Просьба: дай мне Оксану в помощь. Я с ним договорилась.

Инна задумалась.

– Оксану? С чего бы вдруг? Девчонка хорошо работает, не просто с огоньком, а проявляет порой чудеса изобретательности. Впервые в жизни вышла на хорошие деньги, оделась, обулась. Ты её давно видела? Теперь и не узнать. Да и прореху подобную в своём штате я так просто не залатаю. Ты уверена, что именно она тебе нужна? Может, подберёшь какую-нибудь другую кандидатуру? Картотека к твоим услугам.

Я присмотрелась внимательнее к своей «товарке» и успокоилась. Понятно, розыгрыш. Вот если бы она говорила серьёзно, я бы её прибила. Ей-богу!

Инна, наконец, не выдержала, расхохоталась. В сущности, плевать ей было на какую-то там Оксану. Во всяком случае, вовсе не повод для того, чтобы конфликтовать с закадычной подругой. Добра этого – пруд пруди.

– Ладно, я, конечно, утрирую, но давай на совесть: я её уговаривать, а тем более руки ей выворачивать, не стану. Сможешь сама убедить – никаких возражений, а если нет – увы!

Я кивнула, такой расклад меня вполне устраивал, в моей

сумочке было более чем достаточно аргументов.

– Ещё один вопрос, не менее важный. Насчёт Фонда Магдалины ты не передумала?

Инна насторожилась.

– Предположим, нет. Но мне там один раз отлуп уже дали.

– Ну и что, ты такая вся гордая из себя, злопамятная? Во-первых, с тех пор у тебя изменился статус, за тобой теперь ого-го какая фигура стоит, а главное – освободилось место. И мне очень не хотелось бы, чтобы его кто-то с боку припёка занял.

– Считай, негордая и незлопамятная. Вот только не верю, что тебе удастся меня пропихнуть. А так... кому не хочется стать «золотой рыбкой»?

Начать я решила с Немальцыной, предполагая самое худшее, однако та на удивление легко восприняла как мой неожиданный отъезд, так и вариант замены, который я себе подыскала.

– И вы действительно не держите зла на меня? – недоумевая, решила я всё-таки уточнить.

– Зла? За что? – удивилась моя начальница. – У тебя появилась возможность повысить свой статус – ну так это не только для тебя, но и для всех нас прекрасно. Плюс – он всегда плюс. Более того, ты давно уже просила расширить твой участок работы в Фонде – считай вопрос решённым, можешь хоть сейчас закатиться в ближайший ресторан

и отпраздновать своё повышение. Ты нашла себе идеальное прикрытие. Там, в Европе попытаешься осуществить то, что не могла здесь: искать попавших в беду девчонок. Список имён, фотографий, особых примет я тебе дам и буду дальше подсылать регулярно. Всё, что от тебя требуется – отыскать их, буквально достать из-под земли, как свинья трюфель, остальное уже не твоя работа. Мы найдём способ вернуть их на родину, система давно отлажена. Но учти: получать будешь сдельно. Нет результатов – нет и оплаты, а расходы все на тебе самой. И ещё: там таких, как ты, хватает, так что конкуренция будет весьма жёсткая, а список на всех один. Кроме того, желательно было бы пройти тщательный инструктаж. Время у тебя будет, надеюсь? За пару часов тут не уложиться.

– Найдётся, конечно, – радостно отозвалась я. Такого варианта развития событий я никак не предполагала.

Всё оказалось совсем наоборот. Вопреки моим предположениям, камнем преткновения оказалась не Немальцына, а Оксана. Её возмущение было настолько бурным, что я впервые усомнилась. Зачем я придумала себе лишнюю заботу?

«Этой непроходимой дуре такой шанс предлагают, а она упёрлась в какие-то жалкие гроши. Квартиру ей хотя бы в ближайшем Подмосковье, видите ли, захотелось! Почему сразу не коттедж в своей „незалежной“. К пенсии как раз по-

лучится».

Наконец Ксана немного успокоилась и спросила меня напрямую:

– А в чём, собственно, дело?

– Да тут одна английская старушка детектив неплохой написала. «Десять негрятят» называется. Так вот, сюжет там состоит в том, что десять человек собрались вместе и постепенно их становится в живых всё меньше и меньше, а трупиков – то не было ни одного, а тут вдруг всё больше и больше. Хорошая книжка. Я специально для тебя экземплярчик купила – вот, забери. Заодно и сама лишний раз перечитала. Но это я так, забочусь о твоей эрудиции, чтобы было о чём при случае с клиентами поговорить. Скажем, гонорар тебя не устроит или ещё что. А вообще я пришла сюда по твоей просьбе: ты интересовалась, помнится, судьбой своей закадычной подруги Вики. Мне вот тут дали кое-какие фотки, хочешь посмотреть, нет ли её среди них, случайно?

Дойдя до цели, Оксана побледнела, но пролистала тем не менее всю пачку до конца.

– Узнала? – на всякий случай уточнила я.

Ксана молча кивнула.

Я мрачно усмехнулась:

– Было нас трое, осталось двое, или как в книжке написано: «Трое негрятят в зверинце оказались, одного схватил медведь, и вдвоём остались». (Перевод Л. Беспаловой). – Я посерьёзнела, мне самой было не до смеха. – Я что ещё хоте-

ла спросить... Среди этой мертвечины Вика самая свеженькая, остальные в земле гораздо дольше пролежали, да и закопаны были, видать, понадёжнее. Среди них тебе никто не показался знакомым?

Оксана подняла взгляд и ответила твёрдо, зло глядя мне в глаза:

– Нет. Никто. Да и с Викторией у меня нет уверенности. Шляется где-нибудь, наверное. Я-то умнее оказалась, далеко никогда не уезжала, а этой шалаве всё равно было: хоть на Кавказ, хоть на Колыму. Очень хотелось белый свет посмотреть. Посмотрела. Ну а ты как, узнала кого-нибудь?

– Да как их узнаешь? – пожала я плечами. – Одно слово: мешки с костями. Мама родная – и то не различит.

– Понятно, а что там дальше было? В книжке, я имею в виду.

– Так, ерунда: «Двое негрятя легли на солнцепёке, один сгорел – и вот один, несчастный, одинокий». *(Перевод Л. Беспаловой)*.

Оксана кивнула.

– Понятно. Момент подоспел, слишком жарко стало? Когда едем?

– Да можно хоть завтра, но тебе ведь ещё паспорт надо сварганить.

– Зачем? Он у меня уже есть.

Я так и присела: вот тебе и квартирка в Подмосковье, коттедж в «незалежной». Мысли-то у нас, оказывается, давно

уже в одинаковом направлении работали.

– Обрати́мо вернёмся?

– Я – точно. А ты уж реши́ай, как знаешь.

– Хорошо, я согласна. Ну а тот, последний, какова его судьба? Раз уж начала, колись по полной программе. – Ужас! Кошмар! Врагу не пожелаю. «Последний негрите́нок поглядел устало, он пошёл повесился, и никого не стало!» (*Перевод Л. Беспаловой*).

– Ну уж этого они не дождутся, – хмуро пробормотала «гарна українська дівчина». – Если только рак на горе свистнет.

– Я тоже так думаю, – охотно присоединилась к её мнению я.

Я не удержалась всё-таки от того, чтобы не порадовать Иннуся. И не по телефону – лично. Та, хитро прищури́вшись, внимательно посмотрела на меня.

– Ну и как Оксана?

– В полном порядке. – Я вынула из сумочки злополучную пачку фотографий и протянула её моей спасительнице. – Такие аргументы! Не хочешь взглянуть?

– Боже упаси. – Иннуся побледнела, но тут же перестроилась на деловой лад. Жизнь продолжалась. – Кстати, тебе не приходила в голову мысль организовать помимо основного, свой, точнее теперь уже наш маленький бизнес?

Мы давно уже понимали друг друга с полуслова.

– Ты просто угадываешь мои мысли, не знала только, как к тебе с таким вопросом подступиться, – спокойно ответила я. – Только учти: в этом деле главное – не переборщить. Ребята из наших, да и не только наших, детективных агентств, не раз ко мне с подобными предложениями подкатывали, но я не дура: спалиться можно в два счета, а такую непыльную работёнку не хотелось бы терять.

– Подключим Егорку, – усмехнулась Иннуся, по-прежнему нахально глядя мне прямо в глаза.

– И что потом? – не на шутку разозлилась я. – Ты так стала доверять Егорке? Или хочешь отжать бизнес у Немальцыной и занять её место? У меня к тебе только одно предложение. Не усложняй то, чем я сама занималась: качай информацию из девчонок, с которыми будешь общаться, на всю катушку, но Немальцыной сбрасывай из просеянного строго то, что проходит по её списку. Остальное – наше. Если я их там, за границей, отслежу, продадим координаты кому скажешь и половина гонорара твоя. В остальном всё по-честному: работаем только на Любовь Викторовну и ни на кого больше.

– Ладно, ладно, – криво улыбнулась Иннуля. – Будем считать, что я просто неудачно пошутила.

Неудачно пошутила! Вот тебе и десять негрят! Даже с лучшими подругами всегда нужно ухо остро держать. Впервые у меня закралось подозрение, что с Комягиным Иннуся связалась не просто для того, чтобы меня выручить, а желая закрутить какую-то свою, ей одной ведомую интри-

гу.

II – Поцелуйчик

Глава 1

При всём желании я не могла понять, зачем я потащилась в эту чёртову Грецию. Просто спасалась бегством? Что ж, и такое не исключено: в свете моих недавних походов я была бельмом на глазу у всех, кого только знала.

А может, наоборот, мной двигало намерение как следует подготовиться к тому, что меня дальше ожидало? Но на Кипре я тоже о многом мечтала, а что получилось в итоге?

Клин клином вышибают. Хоть я и боялась себе признать-ся в этом, но пребывание в психиатричке в чём-то очень помогло мне: я полностью избавилась от невесёлых своих воспоминаний, вообще от всех комплексов. Однако потрясение было слишком сильным, и, как результат, сработал эффект замещения: появились новые воспоминания и новые комплексы, от которых мне теперь, в свою очередь, предстояло избавляться, причём «долго и больно».

Что человек может чувствовать, стоя на краю уютной могилки, заботливо вырытой для него в самой чаще леса, если его предварительно избили до полусмерти и чуть было не задушили? Может быть, облегчение? Я испытываю до сих пор запоздалую ярость, но, с другой стороны, и удовлетворе-

ние на уровне оргазма: я ведь победила. А уж какой ценой... Важнее всего результат.

Но вот потом, когда самое страшное, казалось бы, осталось позади...

Я понимала, конечно, что меня надо было спрятать так, чтобы ни одна собака не разнюхала и уж тем более не раскопала. И тем не менее...

Психиатрия по большей своей части не лечит: всё, на что она способна, если болезнь прочно угнездилась в человеке, – снять на время приступ, отпустить дэшку (больного, состоящего на диспансерном учёте) домой, чтобы потом, через какое-то время, в карете с бравыми санитарями вернуть его в родную обитель. Как ни странно, к «хроникам» относятся в «психушках» с уважением. Они, как правило, держатся вместе, не терпят «чужих» в своих палатах, соблюдают относительную чистоту, порядок, знают свои права и конфликтуют с медперсоналом лишь в исключительных случаях.

Есть допризывники, которые хотят «откосить» от армии, уголовники, мечтающие улизнуть тем же макаром от тюрьмы: и те, и другие по большей части беспредельщики, боже упаси связываться с ними.

Всех прочих валят в общую кучу: в одной палате могут быть и шизофреники, и депресушники, и маразматика, и алкоголики, и наркоманы, и вполне здоровые люди, которые редко вырываются оттуда без потерь.

Не верьте, если вас будут убеждать, что психические

болезни не заразны. Общение с представителями вышеперечисленных категорий, которые постоянно капают вам на мозги своими рассказами о киллерах, которые на них годами охотятся (но почему-то не убивают); вампирах, которые присасываются к ним по ночам и пьют из них кровь (почему именно к ним, а не к другим людям? Что у них за кровь, интересно, такая?); «голосах», которые ими управляют и открывают им космические, великие тайны бытия, другим людям неведомые, подкрепленное соответствующими таблетками и уколами, очень быстро начнёт разрушать структуру вашей личности. И если уж вы сподобились каким-то образом попасть в этот рай, не надейтесь на то, что вас оттуда сразу выпустят. Вас могут держать там месяцами и даже годами. Но и когда выставят за ворота, непременно поставят на учёт и не устроиться вам потом на приличную работу.

Там, в лесу, могилки я избежала, но здесь, когда в первый день попыталась доказать, что я не верблюд (верблюдица), меня тут же упекли в «надзорную» (наблюдательную) палату на место «экса» (покойника) – только что умершей бабульки. Можете себе представить, на каком матрасе я лежала, сколько поколений по-большому и по-маленькому справляло на него нужду.

Не знаю, выкарабкалась бы я оттуда вообще со своим вздорным характером, если бы не мой ангел-хранитель – медсестра, которую я прозвала Ангеликой (не путать с Анжеликой), так как её спокойствие и доброжелательность по-

ражали настолько, что казалась она не от мира сего. Настоящее её имя я так никогда и не узнала, нанял её в какой-то частной клинике неврозов всё тот же Леонард Чупилин, который, собственно, вместе с Игорем Карловичем и упёк меня сюда.

Что я ещё помню? Тем миром, в котором я пребывала, управляли в основном три вещи: продукты, курево и деньги. Ещё, конечно, знание, опыт, но они управляют всем.

К примеру, если вы сами не принесёте себе еду из столовой, никто кормить вас не будет.

Таблетки, уколы, которые применяются в подобных заведениях, вызывают, ко всему прочему, неутолимый голод, а в меню присутствуют по большей части капуста да подкрашенная водичка вместо чая, всё остальное с воодушевлением и азартом разворовывается персоналом, да и вообще – на всех не напасёшься.

Туалет – отдельная песня, так как никаких кабинок, стульчаков там не предусмотрено, просто род насестов вдоль стены с дырками в полу. Если надеть на тапочки бахилы, можно, конечно, добраться туда и обратно без последствий, в противном случае ничего не остаётся, как шлёпать по зловонной жиже, которая потом разносится по коридору и палатам.

Насилие? Не верьте! Страшилка! Зачем, если за две-три сигареты желающих удовлетворить вождение какого-нибудь дебила-санитара и так хоть отбавляй. Соответственным образом, только дороже, от притязаний можно и откупиться.

Ангелика приходила каждый день: запастись чем-то впрок было совершенно нереально, крали, отбирали всё, что только возможно.

Холодильник? О чём вы? При таком-то «коммунизме»? К чему? Устроить очередной Бермудский треугольник? Их там и так пруд пруди.

Ангелика совала деньги медсёстрам, санитарам и санитаркам, тихо, но очень убедительно о чём-то с ними беседовала, но это не всегда спасало. Если уже через несколько часов после её ухода я оставалась без того, что она приносила, то легко могла нарваться на укол, наглотаться таблеток, и тогда память как отшибало.

Если возникало подозрение, что вы только делаете вид, что таблетки глотаете, а на самом деле потом незаметно их выплёвываете, вам могли расковырять весь рот грязными или наманикюренными (в зависимости от пола) пальцами, а потом с победным криком, найдя искомое, всадить вам взамен укол. Неважно чего. И бесполезно допытываться, чем вас лечат, это вообще тайна из тайн, а излишнее любопытство заканчивается, как правило, двойной дозой. Куда проще знать некоторые незамысловатые хитрости: например запивать таблетки молоком – ищи потом чёрную кошку в чёрной комнате, то бишь белую таблетку в белом кефире или молоке.

Но самое страшное – это зараза: вши, грибок, «тубик» (туберкулез), любой из гепатитов на выбор, а то и все сразу,

полный комплект.

Собственно, рассказывать можно и дальше до бесконечности, но – что самое странное – когда перед отъездом я решила оживить в памяти свои воспоминания, пройдясь по местам «боевой славы», медсестра, которую я упросила быть моим Вергилием, с ловкостью фокусника упрятав (я даже не поняла куда) сунутую ей денежку, провела меня по маршруту, не имеющему ничего общего с тем, что был в моих воспоминаниях. В чистых просторных палатах мужчины играли в домино и шахматы, читали, женщины вязали, смотрели телевизор. Конечно, все ходили обколотые, заторможенные, порой даже по стеночкам, но туалеты были вполне приличные и даже можно было каждый день принимать душ. Я даже врачей, трезвых и благожелательных, сподобилась увидеть, что вообще было чудом из чудес. Вот таким образом в одном и том же помещении соседствовали ад и рай – божественная комедия. Просто я, волею обстоятельств, оказалась не на той стороне Луны.

Глава 2

Только здесь, в Афинах, мне стало ясно, зачем я сорвала с места, потащила за собой Оксану. Меня иногда так переключивало – хоть криком кричи, да и без «фени» (феназепам), я ещё долгое время не засыпала. Ну а с Бекешиным всё сбылось, будто цыганка нагадала. И конечно, Оксана здоро-

во скрашивала мне тоску отношений с немолодым похотливым самцом, да ещё творческой личностью (то бишь надёжным безграничной изобретательностью). Как ни странно, для Оксаны такие вещи были внове и она во всём шла Арнольду навстречу с большим энтузиазмом.

Переговоры по части запланированного дефиле раскручивались медленно: греки вообще в основном народ на редкость неторопливый и необязательный, они только по части обещаний всегда сама любезность и готовность. Однако Бекешин был не новичок в своём деле: у него хватало и необходимых знакомств, и денег, и времени, чтобы особенно не торопить события.

Надо отдать ему должное – он хорошо знал европейскую специфику, не подкладывал нас под нужных лиц, как это сплошь и рядом принято в России, а даже наоборот – тщательно оберегал от нежелательных контактов. Загреметь здесь в тюрьму или нарваться на огромный штраф за нелегальное занятие проституцией было совершенно естественным явлением. Тем более что одного только слова «русский» достаточно было, чтобы изначально подозревать человека во всех смертных грехах. Причём, что самое смешное, здесь «русскими» называли всех кого ни попадя, даже армян и киргизов. Как и всех наших проституток неизменно величали Наташами.

Слава богу, Оксана вовремя поняла правила игры и вела себя, с этой точки зрения, безукоризненно. То есть с пер-

вых же часов пребывания в Афинах мы полностью «забили клин» на мужчин. Да, собственно, и времени у нас свободного почти не было: постоянно какие-то вечеринки, презентации – мы даже не женщинами были, а скорее живыми манекенами. Я, конечно, не упускала ни одной возможности познакомиться с местными достопримечательностями, но знаменитый город, когда-то «столица мира», меня сильно разочаровал: грязный, непритязательный, больше азиатский, чем европейский. Конечно, если хорошо подготовиться, обладать богатым воображением и соответствующими знаниями, можно было бы увидеть немало интересного, но порой эти великие в далёком прошлом развалины надоедали до зубной боли, буквально осточертевали.

Бекешин быстро раскусил во мне деловую хватку, поэтому я всё больше и больше времени занималась переговорами, разъездами, составлением бизнес-планов, выстраиванием рабочих графиков. Но кое-что выкраивалось и для того, чтобы подтянуться в той профессии, которую мне моя лучшая подруга подсуропила: я не упускала ни одного модного показа, решила взять несколько уроков у какой-нибудь из местных профессионалок. Однако особенно меня заинтересовала коллекция дефиле Бекешина на дисках, с которой он в своих поездках никогда не расставался. Если быть честной до конца, я её у него просто спёрла, то есть скопировала на внешний жёсткий диск и изучала при каждом удобном случае, забив ею даже свой смартфон.

Наши отношения с Оксаной день ото дня становились всё напряжённее. Я не понимала, откуда у неё вдруг взялся тот соревновательный дух, который буквально обуял её. Она стремилась напрочь вытеснить меня из наших интимных отношений с Бекешиним, быстро поняла суть работы на подиуме, которая ей предстояла, и вскоре (даже с большой форой) обогнала меня, несмотря на все мои усилия. Была лишь одна сфера, в которой она ничего не смыслила, – бизнес, но она в него и не лезла, хватало ума.

Я решила поделиться своей идеей насчёт уроков с Арнольдом, но тот в ответ на мою просьбу лишь скептически покачал головой.

– Гиблое дело. Ты просто здешний модельный мир не знаешь. Такая ревность к славянкам! Считается, что за одну русскую трёх местных дают. Да и вообще, по пальцам можно пересчитать гречанок, которые известны в Европе, я бы даже меньше назвал – двух-трёх, не больше. Могу дать совет: возьми лучше в учителя какого-нибудь парня.

Арнольд хотел было удалиться, потом задумался.

– Слушай, я даже готов оплатить тебе твои уроки. Ты ведь по-гречески ни бум-бум, а дела вести надо. Вот тебе и готовый переводчик заодно, при условии, конечно, если он ещё и языки знает. Только сама не парься, я с ребятами поговорю, кто-нибудь да отыщется.

Олкимос материализовался словно из воздуха. Я, как ча-

сто в последнее время бывало, ужинала в одиночестве в кафе «Мелина», на которое давно глаз положила: уж больно приветливый был здесь хозяин, такие комплименты мне делал, что я совершенно не чувствовала себя при нём «Наташей».

Ко мне подсел невероятно красивый парень, на вид лет двадцати трех - двадцати пяти, почти двухметрового роста. Он постоянно улыбался, не упуская ни одного случая лишней раз показать свои безупречные зубы, и вообще был на редкость смешлив. Ещё бодр и очень приветлив. Я почувствовала, что мы с ним сработаемся, однако вечером нас с Оксаной ждал сюрприз.

– Всё, девочки, отдых закончился, – Бекешин был и обрадован, и угнетён одновременно. – Предлагаю закатиться на пару-троечку дней поближе к морю, в Лутраки, затем сюда прилетит моя команда в полном составе. Ну а дальше сами всё увидите: наша профессия – тот ещё дурдом.

Я вздохнула с облегчением: трудностей я никогда не боялась, а хотелось наконец проявить себя в деле по-настоящему.

Глава 3

Приехала «команда», о которой говорил Бекешин. Нам пришлось перебраться на специально снятую загородную виллу. С одной стороны, чтобы пожалеть сердца горячих афинских мужчин (кого-то и инфаркт мог хватить!), с дру-

гой – чтобы не дразнить гусынь, я имею в виду местных конкуренток. Я и сама просто с ума съехала от такого обилия женской красоты, нарядов, косметики. И тут же скукожилась похлеще серой мышки. Что интересно: я ждала этого дня как манны небесной, чтобы хоть в какой-то степени свести на нет козни Оксаны, но оказалось, что все мои предыдущие невзгоды были лишь семечками.

«Пара-троечка дней на море» в прекрасном местечке Лутраки (80 км от Афин), достались в основном всё той же «гарной українській дівчине». Я же постоянно сидела на телефоне, в перерывах моталась в Афины, договаривалась там по всем вопросам (в том числе и о вилле). Пару раз мне, правда, удалось искупаться, но не загореть.

Сейчас же я вдруг оказалась вообще никому не нужна, ощутив свою полную ничтожность.

Моя деловая хватка? Здесь были такие зубры, которые могли маме родной глотку перегрызть.

Мои уроки, попытки чему-то научиться по дискам? Моделями рождаются и только потом становятся.

Между тем колесо закрутилось так, что чертям тошно стало. Нескончаемые фотосессии, переговоры чуть ли не по всему миру, реклама в газетах, журналах, на телевидении. Спонсоры, поклонники, презентации, визиты звёзд. Был даже арендован частный самолёт.

К счастью, меня выручил Поцелуйчик (Олкимос раскрыл

мне прозвище, которым его называли в узком кругу самые близкие его друзья и знакомые). Он помогал мне до приезда «команды Арни», но не оставлял без внимания и потом. Представлял всем подряд, прежде всего коллегам по модельному бизнесу, даже своей многочисленной родне. Ну и конечно, учил меня, как мог, профессиональному мастерству. Как-то он увидел в моём портмоне ту знаменитую фотографию, сделанную на Кипре, и попросил разрешения перенять её. Я не удержалась от того, чтобы показать ему свои знаменитые портфолио, от которых он вообще пришёл в дикий восторг. Пришлось даже подарить ему несколько фотографий (копии, разумеется).

Пыльные камни вдруг ожили благодаря рассказам Поцелуйчика, и Афины (в первую очередь Акрополь, Парфенон), как и вообще вся Греция, вдруг открылись для меня, словно по волшебству, во всей своей красе.

– Гетеры – проститутки? – удивился Олкимос, когда зашла речь о моём первом прозвище. – Аня, я удивляюсь, ты такая эрудированная девушка, и вдруг столь удручающая безграмотность. Ладно, на твоё счастье ты в Греции, и рядом с тобой твой верный Олки. Так что слушай внимательно. Начну издали, по-другому не получится. Люди почему-то думают, что в древности человек был закабалён до предела и только постепенно, путём жесточайшей борьбы, пришёл к современному состоянию: свободе, защищённости, демо-

кратии. На самом деле всё как раз наоборот. Никогда ещё человек не был в таком беспросветном угнетении, как сейчас, и кабала его становится всё более и более невыносимой.

Да, было рабство, было неравенство среди людей. Но именно в равенстве, как это тебе ни покажется странным, и заключается главное ярмо. Может, ты слышала такое выражение: «Все люди от рождения камешки, а так хочется сделать их кирпичиками, чтобы удобнее потом было укладывать в штабеля». Есть умный человек, красивый душой, и есть дурак дураком – как можно сделать их равными? Самый простой и действенный способ – прокрустово ложе, подстроенное, естественно, под дурака. Всё что сверх того, отрубается, отбрасывается как вредное, ненужное. И так происходит не только с отдельными людьми – с целыми народами и даже цивилизациями. Как можно, к примеру, внушить мусульманину, что законы, придуманные людьми, могут быть выше, главнее основ веры, ниспосланной ему Аллахом? Христианин привык: он просто раздваивается, живёт сплошь и рядом двойными стандартами, но в мусульманском мире такой фокус не пройдёт. Как мы, греки, можем жить здесь, в Европе, по одинаковому укладу с теми же шведами, эстонцами, немцами? У нас совершенно разные представления о любви, семье, жизни. Да взять хотя бы вас, русских: для вас духовное всегда было и пребудет вечно выше материального. Не удивительно, что вашу страну не устают гнобить по малейшему поводу, хотя веками питаются плодами её выдаю-

щихся умов. Хоть что-нибудь поняла?

Я лишь молча покрутила пальцем возле виска.

– Слушай, мальчик, твоё имя случайно не «Кузнечик» переводится? Что ты скажешь с одного на другое, как попрыгунчик? Давай лучше вернёмся к гетерам. Это для меня действительно интересно. А то, что ты сейчас мне наплёл, – чистой воды китайская грамота.

Олкimos вздохнул с лукавым сожалением.

– Эх, женщины, ничего-то вы не понимаете. Ладно, пусть будет по-твоему. Итак, гетера. Это не проститутка и даже не гейша – ничего общего. Уникальное явление, которого уже нет и которое, к сожалению, вряд ли когда-нибудь повторится. В Древней Греции были разные виды проституток, от дорогих до самых дешёвых, без затей, доступных даже нищему. Были порядочные уважаемые женщины, у которых, однако, не было никаких прав – выбирать себе супруга, участвовать в общественной, политической жизни своего государства. Мало того, по первому желанию мужа могли развестись с любой из них совершенно без повода и, естественно, после развода оставить себе детей. Какая участь её потом ожидала – лучше на эту тему не рассуждать. То есть во всём полнейшая беспросветность. Но были гетеры: не проститутки, как ты их назвала, а богини ума, красоты, эротики. Лучшие из них навсегда остались в мировой истории, наравне с самыми выдающимися людьми своего времени, очень часто являясь их любовницами, подругами, вдохновитель-

ницами одновременно. За близость с ними люди платили огромные деньги. Они во всём являли собой совершенство. На равных беседовали с философами, политиками, по красоте, ухоженности тела им не было равных, а уж наслаждения в сексе они могли подарить такие, что даже самые суровые правители теряли голову. Повторяю, никто из великих не мог без них обойтись. Археанасса вдохновляла Платона. Аспазия в конце концов женила на себе правителя Афин Перикла и прожила с ним добрых два десятка лет. Кстати, именно с неё начался отсчёт феминизма в истории человечества, она очень много сделала для того, чтобы хоть как-то освободить греческих женщин, внушить уважение к ним. Во всяком случае, в Древнем Риме положение в этом плане резко переменилось. Жёны там обладали гораздо большими правами, свободами и возможностями. Какие тебе ещё привести примеры? Знаменитая Фрина вдохновляла художника Апеллеса, в частности именно с неё он писал свою знаменитую «Афродиту Анадиомену» (ну ту твою «Афродиту, выходящую из моря»), и скульптора Праксителя, который изваял по её подобию Афродиту Книдскую. Таис Афинская была долгое время любовницей Александра Македонского, а потом вышла замуж за египетского царя Птолемея I Сотера и родила ему сына и дочь. А Феодору, которую иначе как заурядную шлюшку поначалу никто не воспринимал, в итоге мир увидел византийской императрицей, когда она стала супругой Юстиниана. И проявила себя впоследствии образ-

цом государственной мудрости, справедливости, решительности. Ладно, я умолкаю, ты ведь совсем не для подобных лекций меня наняла. Перейдём ближе к делу.

Мы гоняли с утра до вечера на мотоцикле Олки, использовали каждую свободную минуту для того, чтобы поупражняться на подиумах, часами наблюдали, сидя в маленьких уличных кафе, с какой грацией преподносят себя в походке местные красавицы, шлялись по киношкам, лавчонкам, магазинам. Но ничто не длится вечно.

Бекешин так и не решился на расширенный показ в Афинах. Как и планировал, он организовал лишь пару дефиле для самой избранной публики, коллег, журналистов. Что было тому причиной, я так и не поняла: может, он боялся провала? Но, собственно, так и задумывалось с самого начала: Арнольду важен был лишь сам факт нашего старта из Афин.

Как-то вечером ко мне подошла Оксана и со счастливым видом хлопнула меня по тому месту, откуда ноги растут.

– Ну что, подруга, а не пора ли нам обмыть договорчик?

У меня хватило ума не задать так и просившийся вопрос, что за договор она имеет в виду, но Оксана сама по моему ошарашенному виду моментально обо всём догадалась и прикусила язык.

– Я в том смысле, не пора ли нам присоединиться к фуршету? Завтра ведь мы отсюда уезжаем.

– Конечно, пора, – с трудом сумев взять себя в руки, улыбнулась я. – Ты уже собрала вещи?

Оксана махнула рукой.

– Не всё, осталось ещё. Но у меня нет желания сегодня напиваться.

Мы влились в общую компанию. Были только свои, поэтому никто особенно не наряжался. Царило всеобщее благодушие, граничившее с ликованием. Обычное для людей, измученных ожиданием. В какой-то момент я всё-таки не сдержала обиду и, не сумев как следует разобраться в происходящем и отложить эмоции на потом, ринулась к Арни, чтобы высказать ему всё, что я о нём думаю.

– Ну а что ты хотела, Анята? – спокойно ответил Бекешин на вопрос о моей дальнейшей судьбе. – Ты сама подложила себе свинью. Зачем надо было приглашать с собой подругу? Вакантное место было только одно, конкуренция тоже свободнее некуда. А победа достаётся сильнейшим. Но ты не беспокойся о себе: ты будешь с нами всё турне. Разумеется, только на подхвате. Считаю, тоже неплохо. Для начала.

– То есть, «подай – принеси»? Каждой бочке затычка? Или, пардон, наоборот – каждой затычке бочка?

Но Бекешина было не смутить.

– Всё будет нормально, Анята. Кстати, вот деньги, их надо передать Олкимосу. А это твоя доля, тут даже небольшая премия. Вы хорошо поработали, вполне поощрение заслужили.

– Спасибо и на том, – холодно ответила я, но деньги взяла, разумеется.

Бекешину явно не понравился мой тон.

– В принципе, если не хочешь ехать с нами, наш «драный модельный бизнес», как ты в прошлый раз выразилась, прекрасно обойдётся и без тебя, – процедил он сквозь зубы, с трудом сдерживая ярость.

Я тут же постаралась стусеваться.

– Простите меня, Арнольд Евгеньевич. Конечно, вы правы, я сама во всём виновата.

– То-то же, – милостиво согласился умерить своё негодование «мэтр».

Поцелуйчик ждал меня на нашем условленном месте.

– Аня! Я не узнаю тебя, – покачал он головой сокрушённо. – Ты впервые за всё время нашего знакомства опоздала – на целых пятнадцать минут. Да ещё умудрилась отключить телефон! На тебя такое совсем не похоже. Нас ведь ждут. Ты не забыла? Завтра ты уезжаешь, а сегодня твои проводы.

Я расхохоталась. Пятнадцать минут опоздания! В стране, где могут не только опоздать на час или два, а и вообще забыть о назначенном свидании. И кто бы делал мне замечание? Сколько я своего греческого друга на сей счёт дрессировала и сколько раз он сам меня подводил?

– Прости, Олки, – со вздохом проговорила я наконец, чувствуя, что мой смех вот-вот перейдёт в истерику. – Я нику-

да не поеду сегодня, совсем нет настроения. Извинись за меня перед ребятами. И... давай прощаться. Вряд ли нам когда-нибудь ещё доведётся свидеться. Я просто пришла тебе деньги передать от Арнольда, а так всего лишь позвонила бы по телефону. У нас там тоже междусобойчик, я обязана присутствовать на нём. Пока!

Я вручила конверт с деньгами, развернулась, но Поцелуйчик задержал меня и искренне изумился, увидев на моих глазах слёзы.

– Анюта! Анечка! Что с тобой?

У меня не было никакого настроения обсуждать с кем-либо свои проблемы. Пока я шла к Олкимосу, уже практически успокоилась. В поведении Бекешина действительно не было ничего для меня оскорбительного. И вообще, что такого непоправимо страшного произошло?

Я хотела исчезнуть на время? Меня никто не отправлял обратно.

Я рвалась начать выполнять свою новую работу в Фонде? Руки у меня теперь, наоборот, были развязаны, – просто идеальный вариант.

Возможность лишний раз поучиться стильно, со вкусом одеваться, поднатореть в искусстве макияжа, чтобы затем подняться ещё на ступеньку выше уже в своём ремесле? Да ради бога!

Что на другой чаше весов?

Одни только эмоции, какие-то совершенно необоснован-

ные обиды, построенные на таких же непомерных, ничем не подкреплённых амбициях. Хотя... почему бы не поделиться всем этим с человеком, который так хорошо ко мне относился, фактически стал моим другом и которого я никогда больше не увижу?

– Ты знаешь, что самое обидное, – закончила я свой рассказ, не удержавшись всё-таки от того, чтобы не разреветься, – я хотела им замечательную идею предложить: взять тебя и троих-четверых твоих ребят в команду. Арнольд всё построил в своём показе на Греции, но где она? Да, я понимаю, конечно, ваших знаменитых манекенщиц нанять никаких денег не хватит, они и так нарасхват, но вы, вот вы могли бы произвести прекрасное впечатление.

Олкимос усмехнулся.

– Анюта, какая же ты наивная девочка. Нет Греции в этом турне Бекешина? Посмотри внимательнее свои портфолио. Там Грецией дышит каждая фотография. Да, ты не Жизель Бюндхен, ты вообще не модель. Над тобой в этом смысле надо работать и работать, а возраст уже не тот. Но тебя обокрали, Анчик. Всё оформление, рекламная компания закручены на тебе, но от тебя в них только образ, лёгкая дымка, самой тебя нигде нет и в помине. Я не знаю, как Бекешин будет расплачиваться с Минкиным, но если по справедливости, им совершенно невозможно договориться в данном случае, минуя тебя. Я промолчал в прошлый раз, когда ты выкладывала передо мной свои богатства, но руку Марка Минкина

не только я – многие в мире знают. Он фотограф от Бога, входит в десятку лучших в своём бизнесе. Да, конечно, ты совершила большую ошибку, не скрепив ваши отношения с Бекешиным договором, прежде чем ехать в планировавшееся турне, оставив всё на потом. Но и Минкин опростоволохился, дал маху, не оформив договор на свои услуги. Я понимаю, он не хотел платить налоги и, как у вас говорят, откат бандитам, полагал, что делает свои уникальные портфолио для проститутки и твои фото никак не попадут на столь высокий уровень. После скандала с вашим киллером Александром Солоником и его подружкой, моделью Светланой Котовой, мы здесь, в Греции, узнали много из того, как у вас в России ведутся дела. Но как бы то ни было, все фотографии теперь твоя полная собственность и при случае ты можешь доставить Бекешину немало неприятностей.

– Господи! Котова, Саша Македонский – когда это было? – мрачно усмехнулась я. – Вы что же, до сих пор судите о России по столь отдалённым временам? А может, ты не случайно упомянул имена этих людей? Хочешь пожелать мне их участи?

Поцелуйчик пожал плечами, сильно раздосадованный. Пожалуй, таким я его видела впервые, да и вообще представить себе раньше не могла.

– Ладно, проехали, – вздохнул он наконец и поцеловал меня на прощание в щёчку. – Удачи тебе во всём!

– Стоп! – остановила я разобиженного грека. – Ты что-то

конкретно хотел мне поведать?

Олкимос не мог так быстро справиться со своей обидой. Я его не торопила, давала время прийти в себя.

– Я просто хотел предложить тебе бизнес... – ответил он наконец не очень уверенно.

– Бизнес? – насторожилась я. – Ну так бы сразу и сказал. Зачем тянул кота за хвост? Бизнес – это как раз мой мир.

– ...на котором ты не зарабатываешь ни копейки...

Да, с ума сойти, действительно бизнес! Просто спал да упал! Я даже присвистнула от удивления.

– Ну, Поцелуйчик, ты не просто красив, как бог, ты ещё бог по части сюрпризов. Разве это бизнес? У нас, русских, это называется надувательство, мошенничество, ну а если по новомодному – «разводка».

– ...но зато тебя будет знать каждая собака в Греции, – сумел-таки закончить Олкимос свою трёхступенчатую мысль. Этим он меня окончательно добил.

– Слушай, ну и зачем мне ваши греческие собаки, которых ты собрался всех мне на шею повесить? У нас и в России такого добра без счёта.

Конечно, Олкимос не понимал и половины моего фразеологического юмора (он слишком плохо знал для этого русский язык), но парень он был упрямый и продолжал гнуть свою линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.